

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI 10.17223/18137083/77/10

Сюжет «извещение о скорой смерти родителя» в русской литературе XX века

Инесса Николаевна Коржова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Москва, Россия

clean24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6368-6888>

Аннотация

Выявлен и исследован мотивный комплекс, сложившийся в русской литературе первой половины XX в. и реализованный в произведениях 1960-х гг. Он формируется под влиянием «Письма матери» С. Есенина и обретает устойчивую структуру и семантику в поэмах К. Симонова «Возвращение» и «Первая любовь» и в рассказе К. Паустовского «Телеграмма». В основе сюжета письмо (или телеграмма) о скорой смерти родителя, отправленное им самим или другими людьми. Это известие запаздывает или игнорируется младшим героем. Сюжет связан с реализацией идеи разрыва связи между поколениями, с выражением сочувствия родителю и с осуждением детей.

Ключевые слова

сюжет, мотив, литературная традиция, преемственность, Симонов, Паустовский

Для цитирования

Коржова И. Н. Сюжет «извещение о скорой смерти родителя» в русской литературе XX века // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 124–136. DOI 10.17223/18137083/77/10

The plot “notification of the imminent parent death” in Russian literature of the 20th century

Inessa N. Korzhova

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russian Federation

clean24@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6368-6888>

Abstract

The paper identifies and investigates a motif complex formed in the Russian literature of the first half of the 20th century and implemented mainly in the works of the 1960s. It develops the theme of parental melancholy that is widely represented in literature and, influenced by Yesenin’s “Letter to mother,” acquires the motif of death and indirect communication. The plot takes its final shape in K. Simonov’s poems “The Return” and “First love” and develops

© Коржова И. Н., 2021

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 124–136

Siberian Journal of Philology, 2021, no. 4, pp. 124–136

a stable semantic core in Paustovsky's short story "The telegram". This study proves the direct influence of Simonov's works on Paustovsky. Basic to the plot is the situation of a lonely parent, abandoned by an adult child. There are several stages in the plot development, with the news of the imminent death of a parent being the central event. The younger character receives a letter or a telegram from the parent or his or her surroundings, with a possible duplicate message telling about the forthcoming or incurred parent's death. In all plot implementations, the child fails to find the parent alive and sometimes ignores the call, actualizing the idea of guilt. Included in the plot is the motif of indirect communication from the parent and the child, both realized and possible. This written communication is perceived as an ersatz of genuine contact and does not relieve the parent's pain and loneliness. An important micro-detail of the complex is the iconography of waiting: the description of the parent looking at the road (window, door).

Keywords

plot, motive, literary tradition, continuity, Simonov, Paustovsky

For citation

Korzhova I. N. The plot "notification of the imminent parent death" in Russian literature of the 20th century. *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 4, pp. 124–136. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/77/10

Двадцатый век с его активными политическими и социальными преобразованиями чрезвычайно расширил пространственные горизонты для каждого человека, кого-то вытолкнув из привычной среды, кого-то поманив яркой жизнью. Но путь, устремленный вперед, предполагает, что позади остаются те, кто уже не решается отправиться в дорогу – старики. Разъединив поколения, новый век милостиво предложил утешение – почту, доходящую во все уголки страны, и быстрый телеграф. Отражение этих реалий сформировало в литературе поразительно устойчивое при своей многокомпонентности мотивное единство. Целью статьи является исследование сюжета, в котором разлука временная превращается в вечную из-за смерти покинутого родителя. Нами будут установлены компоненты сюжета и круг произведений, реализующих этот комплекс. Главная задача исследования – выявление текстов, стоящих у истоков этой традиции.

Исследуемая ситуация разрыва с корнями имеет эквиваленты в древнейшие времена и отражается, хотя и редко, в древних пластах литературы. Одним из самых ранних произведений, говорящих о тоске матери по сыну, отделенному непреодолимым для нее пространством, стала «Одиссея» Гомера. В XI песне тень матери героя Антиклеи, встреченная им в Аиде, рассказывает о своей горестной смерти:

Кончилось так и со мной; и моя совершилась судьбина.
Но не сестра Аполлонова с луком тугим Артемида
Тихой стрелою своею меня без болезни убила,
Также не медленный мной овладевший недуг, растерзавши
Тело мое, из него изнуренную душу исторгнул:
Нет; но тоска о тебе, Одиссей, о твоём миролюбном
Нраве и разуме светлом до срока мою погубила
Сладостно-милую жизнь
(Гомер, 2000, с. 125).

Впрочем, в этом же произведении воссоздан трагический облик второго родителя – Лаэрта, не менее матери тоскующего о сыне.

В русской классической литературе ситуация материнского ожидания, страха за выросшее дитя также отражена. Вспомним матушку Александра Адуева в «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова, Бельтову в «Кто виноват?» А. И. Герцена. Но первым и наиболее значимым выразителем мотива родительского одиночества стал Самсон Вырин А. С. Пушкина – герой произведения, в котором, с одной стороны, полностью инверсирована гендерная принадлежность героев по сравнению с описанным нами мотивом, а с другой – достаточно прямо указан архетипический сюжет – притча о блудном сыне как источник описываемой ситуации. Но библейская история не знает образа тоскующего отца, она сосредоточена на духовном пути сына. В этом смысле Пушкин смело смещает фокус авторского внимания на фигуру родителя и тем самым открывает в сюжете новые аспекты.

Таким образом, «Станционный смотритель», сам опираясь на библейский архетип, становится прецедентным текстом для последующей русской литературы. Подобный механизм подробно описан И. В. Силантьевым и Е. В. Капинос: «Общий архетипический план, изначально присущий любым произведениям словесного искусства, как и сознанию в целом, пребывает в единстве и противоречии с законами (в том числе и сюжетными) поэтики классических памятников, обладающих столь сильными собственными комбинаторными возможностями, столь сильным собственным потенциалом сюжетообразования, который тут же воспринимается и усваивается литературной традицией как уникальный, а не всеобщий, и который нельзя игнорировать при изучении этой традиции» [Капинос, Силантьев, 2018, с. 12–13]. В работе мы выделяем несколько ступеней сужения сюжета о покинутом родителе. Произведение Пушкина начинает этот ряд.

Уже названных произведений XIX в. достаточно, чтобы охарактеризовать базовый сюжет – основу дальнейшей конкретизации. Отметим, что речь идет об устойчивом комплексе мотивов, который определяет прежде всего фабулу. Но далее мы будем использовать термин «сюжет» как закрепившийся в исследовательской литературе, посвященной выявлению устойчивых комплексов мотивов¹. Итак, в основе сюжета – разлука, вызванная отъездом ребенка, при этом родитель обитает в месте гораздо более тихом, захолустном, чем то, куда направляется ребенок. Причиной отъезда становится желание лучшей доли, стремление увидеть свет, реализовать свои амбиции. Эта добровольность оставляет за пределами нашего исследования мотив ожидания солдата. При большей опасности для ребенка связанная с войной ситуация не столь горька для родителя, так как он не брошен, не покинут намеренно, не может вызывать она и чувство сыновней вины. В классическом варианте сюжета родитель оставлен совсем один: он лишен второй половины и опоры в лице других детей.

Уже в советской литературе появляется произведение, которое еще более специфицирует описанный комплекс мотивов, служит следующим самостоятельным текстом-источником, на который ориентирована дальнейшая традиция, – «Письмо матери» С. Есенина. Этот лирический шедевр, безусловно, является вариантом на тему блудного сына. Но, как отмечает О. Е. Воронова, «в поэтической трансформации Есенина евангельская притча о блудном сыне приобретает законченные черты национального мифа. При этом поэт существенно видоизменяет образный стержень “вечного” сюжета, внося в него иную, “материнскую” доминанту»

¹ О причинах такого смешения терминов см. [Ромодановская, 2003; Силантьев, 2003].

[2015, с. 35]. Поэтом подчеркнут не только бытовой, но и символический уровень замены фигуры отца, за которой в притче стоит всепрощающий Отец Небесный:

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет
(Есенин, 1995, т. 1, с. 180).

Эта проникновенная исповедь, тем не менее, не сосредоточена только на чувствах героя, в ней находит воплощение и тоска матери. Именно эти строки усилены повтором:

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне
(Есенин, 1995, т. 1, с. 179).

Не менее важными, чем события и чувства, в сюжетном инварианте могут оказаться отдельные детали: «Авторские мотивы воспринимаются последующей традицией, иногда это даже не мотивы, а микродетали: излюбленные эпитеты того или иного автора, локусы, узнаваемые портретные характеристики, описания, последующая традиция усваивает не только главные звенья классических сюжетов, функциональную сторону сюжета, но и более мелкую комбинаторику авторов-классиков, отдельные связки мотивов, персонажные и описательные типажи и пр.» [Капинос, Силантьев, 2018, с. 6]. Стихотворение Есенина создает своеобразную иконографию ожидания: фигуру матери у дороги.

Хотя в стихотворении речь идет о возвращении, пока оно не реализовано. Само письмо становится формой встречи. Именно этот аспект – наличие не прямой коммуникации – является важным компонентом сюжета о покинутом родителе в XX в. Появляется в стихотворении еще один мотив, который потом, при окончательном формировании исследуемого сюжета, станет ключевым. Речь идет о мотиве смерти. В соответствии с введенным в стихотворение автобиографическим мифом навсегда разлучить героев может не кончина престарелой матери, но гибель беспутного сына.

«Письмо матери» входит в группу есенинских произведений, также ориентированных на эпистолярный жанр: «Письмо от матери», «Ответ», «Письмо деду». Однако в «Письме от матери» отсутствуют почти все мотивы, характерные для интересующего нас сюжета. Пронзительная тоска героя уступает место отстаиванию правильности собственного пути, утверждается неизбежность разрыва с миром деревни, уходят мотивы угрожающей свиданию смерти, даже тоска и желание матери видеть рядом сына поддерживаются соображениями житейской выгоды, а приглашение приехать сопровождается снижающими подробностями – просьбой «Отцу купи порты» (Есенин, 1997, т. 2, с. 126).

Сюжет «извещение о скорой смерти родителя» впервые может быть выделен в тех произведениях, где инверсируется есенинская связь основных мотивов с героями: смерть грозит родителю, и письмо также направляет он. Наиболее полное, в некотором смысле даже избыточное, воплощение сюжетной схемы представлено в рассказе К. Г. Паустовского «Телеграмма» (1946). Рассказ был популярен, в 1957 г. по нему снят короткометражный фильм. А в 1964 г. именно с ним

была связана история яркого жеста Марлен Дитрих, опустившейся перед Паустовским на колени на сцене ЦДЛ. Случайно прочитанный рассказ «Телеграмма» заставил ее навсегда запомнить имя русского писателя и искать встречи с ним ².

Упомянутая сюжетная избыточность связана с тем, что у Паустовского Настя получает не одно, а два известия. Катерина Петровна посылает дочери письмо с просьбой приехать, так как чувствует: «Зиму эту я не переживу» (Паустовский, 1983, т. 6, с. 380), а после приходит и телеграмма от сторожа Тихона «Катя помирает» (Там же, с. 384). И хотя второе известие заставляет дочь опомниться и броситься в деревню к матери, она не успевает даже на похороны. Телеграмма не спасает обеих: мать от смерти со страшным чувством своей ненужности, дочь Настю от несмягченного последним прощанием чувства вины. Есть в рассказе и еще одна телеграмма, двойной эрзац: сострадательный Тихон пишет ее от имени Насти, но не может обмануть Катерину Петровну. Таким образом, тема не прямой коммуникации разнообразно варьируется.

Сцена ожидания дочери дана в скупых, почти протокольных описаниях. И внутреннее напряженное желание увидеть Настю читается лишь в нескольких деталях. Услышав о телеграмме, «Катерина Петровна открыла глаза и сухой рукой начала судорожно гладить одеяло» (Там же, с. 386), а не сумев прочитать ее из-за слепоты, «все так же умоляюще смотрела на Тихона» (Там же, с. 387).

Есть в этом рассказе и еще одно дублирование мотива – другая, сюжетно первая, сцена ожидания, наполненная несомненными аллюзиями на «Письмо матери» Есенина. Этот эпизод предшествует отправке письма, служит в некоторой степени поводом написать дочери: «Как-то, в конце октября, ночью, кто-то долго стучал в заколоченную уже несколько лет калитку в глубине сада.

Катерина Петровна забеспокоилась, долго обвязывала голову теплым платком, надела старый салоп, впервые за этот год вышла из дому. Шла она медленно, ощупью. От холодного воздуха разболелась голова. Позабытые звезды пронзительно смотрели на землю. Палые листья мешали идти» (Там же, с. 380). Старый сад, старомодная одежда и выход к дороге (здесь всего лишь к садовой дорожке) роднят оба произведения, но, самое главное, как и у Есенина, ожидание не мотивировано, иррационально и потому обнажает иступленную, ищущую чуда надежду матери увидеть своего ребенка. История создания рассказа «Телеграмма» подробно описана К. Г. Паустовским в «Золотой розе» (Паустовский, 1982, т. 3, с. 220–226). Кажется, биографическая основа столь сильна, что не оставляет места для проникновения литературных влияний. Однако сцена ночного зова составляет объект творческой фантазии писателя. И главное, что в воспоминаниях ничего не говорится о письме-призыве матери. Вымышлены и обман сердобольного сторожа – ответная телеграмма, и вся сюжетная линия Насти. Но именно эти дополнившие реальность моменты и составили устойчивую часть исследуемого мотивного комплекса.

Однако еще до «Телеграммы» вышло произведение, которое уже содержало все привнесенные мотивы и которое, по нашему мнению, стало литературным ориентиром для Паустовского. Речь идет о поэме Симонова «Возвращение» (1936–1937) и возникшей в результате ее переработки поэме «Первая любовь» (1936–1941). Вторая поэма потом неизменно включалась Симоновым в сборники,

² Об этом см.: *Осетинский О.* Марлен Дитрих и Константин Паустовский. История одной фотографии в трех рассказах. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/vospominaniya/osetinskij-marlen-ditrih-i-konstantin-paustovskij.htm> (дата обращения 13.09.2020).

но интересующий нас эпизод почти не подвергся в ней изменению. Сюжет Симонова мог не только транслироваться через посредничество рассказа К. Г. Паустовского, но и служить непосредственным ориентиром при последующей разработке мотивного комплекса.

По определению И. Силантьева, «сопоставление понятий мотива и лейтмотива позволяет говорить о мотиве как интертекстуальном повторе» [2003, с. 166]. Однако это не обязательно предполагает утверждение некоей субстанциальной силы дискурса как хранителя мотивов и позволяет ставить вопрос о генетическом родстве текстов, развивающих сходный сюжет. К. Г. Паустовский не просто был знаком с поэмой Симонова «Возвращение», но и отметил в печатном отклике силу сцены материнского ожидания:

Симонов не боится говорить о страдании. Он не сродни тем поэтам, у которых незатухающий барабанный бой заглушает человеческие слезы. Он не сродни тем писателям, которые наивно полагают, что можно только петь песни, бахвалиться или с «закаленными» лицами сжимать разнообразные рычаги машин.

В поэме «Возвращение» у Симонова есть щемящие слова о смерти матери:

Пять дней не умирала – ожидала,
Ведь никогда ее не обижал.
А тут вот телеграмма опоздала –
Она звала, а ты не прибежал,
Как ей, должно быть, было одиноко...
На телеграмму денег наскребла,
А сын не едет, сын ее далеко,
У сына, верно, важные дела (Паустовский, 1984, т. 8, с. 302).

В реализации центрального для ранней поэмы сюжета возвращения на родину Симонов ориентируется на есенинские маленькие поэмы 1924–1925 гг. На фоне реминисценций из «Возвращения на родину» и «Моего пути» мотивы «Письма матери» становятся особенно ощутимыми. Тем самым поэмы Симонова занимают место недостающего звена в развитии мотивного комплекса.

Причина отъезда главного героя поэмы до конца не ясна, но это человек с романтической биографией. Его манят новые просторы и открытые перспективы. Пожалуй, только у Симонова да затем у В. Пановой отъезд оценивается положительно. Включен в поэму и важный элемент, зримое изображение самого ожидания: «По целым дням глядела на дорогу, / Глаза от света заслонив рукой, / До самой смерти верила, как в бога, / Что он придет, он ведь не такой» (Симонов, 1937, с. 140). Интересна в этом фрагменте инверсия есенинских мотивов. В «Письме матери» сын видит в материнской любви замену религиозной вере, здесь, напротив, сын для матери заступает место высшего существа.

В переработанной поэме «Первая любовь» Симонов усиливает мотив прямой коммуникации с помощью дублирования. Поэт вводит сюжетно нереализованную ситуацию ответной телеграммы – заместительницы встречи: «Отчаявшись, мечтала напоследок, / Чтоб хоть по почте ей прислал ответ» (Симонов, 1982, с. 432). Важно, что именно у Симонова мы находим те важные детали, которые добавляет Паустовский в свой, казалось бы, полностью выросший из живых наблюдений рассказ. Рассказ имеет и некоторые другие точки совпадения с поэмой «Первая любовь», они не входят в структуру описываемого устойчивого

сюжета, но усиливают связь двух текстов. И поэма, и рассказ включают сцены запоздалого приезда героев, которые не задерживаются в доме. Герою Симонова всё же даровано попрощаться с матерью: он успевает на похороны. А его нежелание видеть опустевший дом говорит о глубоком страдании. Настя, опоздавшая на похороны, пробирается из родительского дома до света, очевидно, стыдясь попасть кому-нибудь на глаза. В обоих произведениях введен мотив старых вещей, которые мы можем назвать поистине мертвыми, ибо, не согретые светом памяти, они выглядят особенно страшно. У Симонова заветный сундучок матери после ее смерти разбирают соседи: «Соседи разобрали все старье: / Венчальный шлейф и белые перчатки, / Стеклярусом обшитый кушачок, / Атласный лиф с засохшей розой чайной» (Симонов, 1982, с. 433). В рассказе Паустовского сама Катерина Петровна одаривает вещами ухаживающую за ней девочку: «Катерина Петровна дарила Манюшке за услуги сморщенные перчатки, страусовые перья, стеклярусную черную шляпу» (Паустовский, 1983, т. 6, с. 378), но та остается равнодушна к этим дорогим для старой женщины вещам.

Хотя подлинным источником сюжета являются поэмы Симонова, ибо в них введено сюжетобразующее событие – оставшаяся без ответа телеграмма-призыв, именно у Паустовского оформляется далее остающееся почти неизменным семантическое ядро сюжета. Герой Симонова, особенно в поэме «Возвращение», – вечный странник, и смерть матери важна как актуализация традиционного мотива сиротства романтического героя. Он, как и мать, жертва жестокого случая – задержки телеграммы. Паустовский рассказывает о долгом одиночестве покинутого родителя, и одинокая смерть играет роль кульминации в этой истории. Герои следующих произведений будут нести на себе именно бремя его, а не симоновских обвинений.

Дальнейшее развитие сюжета, как правило с редукцией нескольких элементов, мы находим у В. Распутина, Л. Халфиной, А. Вампилова, В. Пановой, А. Яшина, А. Твардовского. Порядок рассмотрения произведений определяется степенью выраженности исследуемого мотивного комплекса.

В «Последнем сроке» (1969) Распутин на известие о скорой смерти матери не откликается материнская любимица Татьяна, Таньчора, ради приезда которой Анна даже откладывает свою смерть. Распутин обеспечивает эмоциональное подключение читателей, не только передавая тяжелые думы Анны и некоторые с трудом вербализируемые витальные ощущения, но и обеспечивая совпадение с кругозором героини. Ни мать, ни читатель так и не узнают, что явилось причиной молчания дочери. Разумеется, тема одинокой старости у Распутина шире: приехавшие дети так же далеки от матери, как и Татьяна. Своеобразно решена тема непрямого общения. Анна неграмотна, поэтому никогда не писала детям, и извещение о ее болезни отправляет брату и сестрам живущий с матерью Михаил. Татьяна как раз единственная, кто не говорит о матери в третьем лице, а адресует письма прямо Анне, заочно беседуя с ней. Мотив непрямого общения расширен на общение со всеми детьми.

Воссоздан и момент ожидания дочери, старуха, «не давая повады» (Распутин, 1976, с. 48) глазам, напряженно смотрит, но не в окно, а на дверь, из которой должна появиться дочь:

И только старуха ждала не переставая. Она вздрагивала от любого звука за окном и замирала при каждом шорохе у двери. Она не помнила, чтобы за дочерью это водилось, но ей казалось, что Таньчора, попав в избу, может подкрасться и посмотреть на мать тайком и только после того открыться,

поэтому она все время держала дверь на прицеле, чтобы поймать дочь, когда та начнет выглядывать (Распутин, 1976, с. 47–48).

Своеобразно повторены здесь и другие элементы сюжета: описана реакция дочери в виде предположений братьев и сестер, перебирающих за нее различные варианты оправданий: «Придет, наверно, потом письмо, что, мол, так и так, не могла, не было дома или что-нибудь в этом роде» (Там же, с. 47). Присутствует здесь даже мотив обмана: навлекая на себя гнев старухи, Михаил объявляет, что отправил сестре вторую телеграмму, отменив вызов, когда мать почувствовала себя лучше. Хотя Михаил делает, кажется, прямо противоположное тому, что придумал Тихон у Паустовского, но руководствуется он теми же соображениями – хочет облегчить муку матери.

В повести М. Л. Халфиной «Одиночество» (1968) важны категории видимого и подлинного. Окруженная большой любящей семьей, Нина Алексеевна оказывается одинока, а несуществующая телеграмма-вызов сыну, которую никто так и не решил послать, структурно присутствует и подтягивает к себе почти все компоненты исследуемого мотивного комплекса. События рассказа предстают в субъективном освещении молодого лечащего врача Нины Алексеевны – Марии. Сама пожилая женщина, поступившая в больницу с сердечным приступом, не хочет тревожить сына, уехавшего в командировку, и запрещает посылать ему телеграмму. И всё же ее поведение точно повторяет поведение ожидающих матерей:

Знаю теперь абсолютно точно: она все время чего-то ждет. Вернее, кого-то ждет. И нервы, несмотря на внешние признаки депрессии, натянуты до предела.

Иногда, неудобно вывернув шею, она напряженно, не мигая, смотрит на закрытую дверь палаты.

И уже несколько раз я засекала такой момент: глаза закрыты, лицо неподвижно и, казалось бы, спокойно, но голова чуть-чуть приподнята, чуть-чуть отделилась от подушки: она вслушивается в звуки коридора. Она жадно ловит звуки, но не все, а только звуки мужских шагов, мужских голосов.

Она ждет сына. Того самого Виктора Андреевича, который сейчас находится в командировке.

Она сама запретила его вызывать... Запретила и всё-таки ждет. Может быть, она надеется, что родные, не посчитавшись с ее запретом, всё же сообщили ему о ее болезни...

И он не приехал до сих пор, возможно, потому, что временно уезжал из Ленинграда на какой-нибудь отдаленный объект, а телеграмма, возможно, лежит нераскрытая в номере ленинградской гостиницы... И еще погода... Ведь может же быть нелетная погода, и он сидит где-нибудь на Свердловском аэродроме... (Халфина, 1983, с. 141).

Очевидно, что сюжет возникает во всей полноте только в сознании врача, при этом модус этой ситуации дважды виртуален: никто не может точно прочитать чужие мысли, да и размышлять не о чем – телеграмма не отправлена. Но само ожидание – факт неоспоримый. И снова оно обретает вполне канонические черты: тело устремлено к двери, слух напряжен, а ночью Мария Владимировна застаёт свою пациентку, которой категорически запрещено вставать, у окна.

Несмотря на всю виртуальность сюжета предсмертного сообщения от матери, он продолжает развиваться до конца: сын не успевае застать мать живой, и вина за это с него не снята. Он приезжает в город ночью, но откладывает визит до обе-

да следующего дня, не желая будить мать. При всей оправданности его действий повесть заканчивается вердиктом врача: «Было ли мне его жаль? Пожалуй, нет» (Халфина, 1983, с. 169). И, думается, не жаль не только из-за промедления в несколько часов, но и за то, что он не услышал этот нематериализовавшийся призыв, многие годы находился в непрямой коммуникации с матерью, живущей с ним в одной квартире. Сюжет работает и на формальном, и на содержательном уровне, хотя его основа не реализована в событиях.

Есть и в этом сюжете дублирование мотивов: сама Мария Владимировна не просто сторонний наблюдатель, она могла отправить телеграмму, однако, как все дети в этом сюжете, не хочет вступать в коммуникацию. Но и это лишь зримая часть. Она тоже дочь, не всегда замечающая одиночество матери. Структурно образ ребенка раздваивается, и на Марии Владимировне оказывается часть вины. Вероятно, потому она отказывает сыну больной в жалости: это приговор и самой себе.

Ту же сюжетную ситуацию, но увиденную беспощадными глазами сына воссоздает Вампилов в «Утиной охоте». Зилов получает письмо от отца:

Посмотрим, что старый дурак пишет. (Читает.) Ну-ну... О, боже мой. Опять он умирает. (Отвлекаясь от письма.) Обрати внимание, раз или два в году, как правило, старик ложится помирать. Вот послушай. (Читает из письма.) «...на сей раз конец – чует мое сердце. Приезжай, сынок, повидаться, и мать надо утешить, тем паче, что не видела она тебя четыре года». Понимаешь, что делает? Разошлет такие письма во все концы и лежит, собака, ждет. Родня, дура, наезжает, ох, ах, а он и доволен (Вампилов, 1999, с. 199).

Позже Зилову приходит телеграмма о смерти отца. Но, увлекшись отношениями с Ириной, он не едет в аэропорт и, очевидно, не летит вовсе. И хотя мы ничего не знаем об отце Зилова, кроме того, что он не вовсе один, рядом с ним жена, но за этими строками встает человеческая боль, которую почти не чувствует Зилов.

Сложно говорить о том, мог ли Вампилов сознательно ориентироваться в разработке этого сюжетного хода на произведения Симонова или Паустовского. Знаменательно, что вслед за получением телеграммы в пьесе звучит фамилия Симонова. Зилов, разыгрывая наивную Ирину, рассказывает, что Константин Симонов живет в Сибири. Общая оценка Вампиловым творчества Паустовского была критической. Приводя в записных книжках характеристику, исходящую из уст Твардовского, Вампилов, очевидно, солидаризируется с ней: «Паустовский – мармелад» (Там же, с. 689). А позже добавляет снова о Твардовском: «С удовольствием разделяет возмущение Шолоховым, Паустовским и другими – они никогда не бывали в Сибири» (Там же, с. 693). В любом случае сам Вампилов, свернув сюжет до мотива, создал самую жесткую его версию, отняв у блудного сына покаяние, хотя и не сделал это окончательным приговором над ним, чем оспорил, возможно слишком дидактично-сентиментальную, по его мнению, семантику сюжета.

Обратимся к группе произведений, в которых сюжет претерпевает значительную редукцию. Героиня повести В. Пановой «Сестры» уезжает из родного села в поисках иной жизни. Она поступает в университет, становится актрисой и в итоге не навещает отца десять лет. Собственно, важная часть – не услышанный призыв родителя – отсутствует в повести. Главная героиня не вовремя получает телеграмму, извещающую о свершившемся факте – его смерти, но это не избавляет ее от чувства вины:

Ее мучило, что она не была на его похоронах, она – его старшая и которую он любил. Когда он умер, она была за границей, ей туда не сообщили, а когда вернулась и увидела эту телеграмму, было уже поздно... (Панова, 1965, с. 10).

Именно этот факт в итоге и побуждает ее посетить родные места, оплакать человека, который был ей подлинно близок. Знаменательно, что в произведение включена прямая отсылка к «Письму матери» Есенина. Героиня думает о своей старой учительнице: «Завтра же зайду, подумала актриса, повидаясь с Елизаветой Андреевной. Если ты еще жива, моя старушка» (Там же, с. 14). Цитата – важный показатель осознания родственности мотивов, прямой ориентации на предшественника.

Рассказ А. Я. Яшина «Подруженька» (1965) о почти болезненной привязанности старой женщины к полудикой кошке, которую она, во всем отказывая себе, балует мясными котлетками, но всё же не может привязать к дому. Слова Катерины Федосеевны о кошке звучат как горькое признание:

Одинокая, видно. Ну, чего ж, пойдем тогда. И будет теперь у тебя свой дом, станем жить вместе. Какая-никакая – всё скотинка, а то у меня давно никого нет (Яшин, 1979, с. 41–42).

Одновременно в рассказе реализуется почти мистическая идея связи кошки с приближающейся смертью, что, безусловно, напоминает о «Старосветских помещиках» Гоголя. Героиня до последнего часа печется о дочери, собирая ей посылку в Заполярье, но от коммуникации, даже не прямой, отказывается. Соседка спрашивает, озвучивая два традиционных варианта сюжета:

- У тебя ведь дочка есть, может, ей телеграмму послать?
- Не успеет опять! – сказала Катерина Федосеевна.
- Кто не успеет, дочка или телеграмма? (Там же, с. 53)

Слово «опять» вводит идею удвоения и напоминает о реакции дочери на смерть отца – мужа Катерины Федосеевны: «пока болел – не успела она приехать, а когда умер – чего ж, говорит, и приезжать» (Там же, с. 44). В этой истории одиночество столь тотально, что в центре уже не замена слова письмом или телеграммой, а еще более страшная замена человека любым живым существом. Мотив письма-эрзаца отодвинут на периферию.

Дальним эхом мотив не прямой коммуникации с покинутым родителем звучит в первом стихотворении цикла А. Т. Твардовского «Памяти матери» (1965). Последнее прощание парадоксально растянуто на годы. «Прощаемся мы с матерями / Задолго до крайнего срока...» (Твардовский, 1986, с. 753). С осязаемым упреком поэт говорит о страшном стремлении поскорее порвать с домом. С годами уже случившийся разрыв ощущается матерями острее и больнее. Ранит их именно не прямая коммуникация, эгоистичные письма, выдаваемые за знаки внимания: «Разлука еще безусловней / Для них наступает попозже, / Когда мы о воле сыновней / Спешим известить их по почте» (Там же, с. 753). Последнее письмо-призыв здесь заменено телеграммой от посторонних людей, которая, однако, напоминает о подлинной кровной близости с уже ушедшим человеком: «И вдруг назовет телеграмма / Для самой последней разлуки / Ту старую бабушку мамой» (Там же, с. 754). В данном стихотворении мотив ожидания не эксплицитован, но, несомненно, присутствует в подтексте, акцент сделан на втором персонаже, сыне, и его чувстве вины.

Удивительно, что данный комплекс мощно проявил себя в произведениях, уместившихся в одно пятилетие. Причины этому могут быть как литературные, так и экстралитературные. С одной стороны, возможна актуализация именно в эти годы одного из трех формирующих мотив произведений (Есенина, Симонова или Паустовского). С другой – это годы, в которые стал особенно ощутим разрыв семейных связей: уходило старшее поколение. Очевидно, что в наше время с появлением возможностей более быстрой коммуникации сюжет должен исчезнуть или значительно трансформироваться. Но само его зерно – ситуация одинокой старости, смягченной эрзацем общения, – остается.

Своеобразное обновление мотива мы видим в рассказе Б. Екимова «Говори, мама, говори...» (2006), где письмо заменено модной «мобилой», подаренной старухе, но не позволяющей ей рассказать о тех маленьких событиях, которые составляют ее скромную жизнь. В финале при отсутствии четко выраженного последнего призыва старухи к дочери возникает тема смерти. Ведь последним потенциально может стать любой звонок. Именно эта мысль, очевидно, возникает в сознании дочери, напуганной внезапным падением матери, символически случившимся в саду, цветение которого так важно для дочери, хотя и чисто прагматически. Мать не хочет выкорчевывать грушу, которой любит полакомиться ее дочь, и спотыкается о корни дерева. Нарушая условное время звонков, забыв о тарифе, дочь звонит матери и повторяет фразу, вынесенную в заглавие. П. Басинский отмечает, что в решении темы забытых стариков Екимов мягче своих предшественников: «Легко представить, что бы сделал из этого сюжета другой “деревенщик”, для которого мобильники, конечно, от дьявола. Так и видишь финал: лежит мертвая старуха с остекленевшими глазами, рядом весело наигрывает черная коробочка. Но это не Екимов» [Басинский, 2014, с. 148]. «Не отбирает он и не типизирует, но <...> создает образ-символ неугасимой совести человеческой и вместе с тем неиссякаемого же человеческого смирения. И даже “страшная” “мобила” вдруг и впрямь оживает, наполняется живым голосом и становится чем-то “иным”, чем является на самом деле» [Там же, с. 149–150]. Критик точно указывает на мотив превращения, который позволяет почти стереть в финале скорбную мысль об общении-эрзаце. Не типичен рассказ и в другом контексте – реализации инвариантного сюжета. Дочь в рассказе Екимова – единственная героиня, которая успевает откликнуться на призыв матери и возвращает ей радость.

Таким образом, полный вариант сюжета, сложившийся в XX в. и, вероятно, всё же оставшийся в нем, может быть описан следующим образом: родитель (чаще мать) покинут ребенком, отправившимся на поиски другой, более насыщенной или обеспеченной жизни. Чувствуя приближение смерти, родитель либо сам отправляет письмо / телеграмму, либо за него это делают люди, ухаживающие за ним. Письмо содержит просьбу приехать, чтобы увидеться в последний раз. Непрямая коммуникация, которая может существовать и до описываемых событий, не является полноценным общением и оценивается как ранящий родителя грубый эрзац. Последнее свидание не происходит в силу субъективных (неверие ребенка в серьезность ситуации) или объективных (долгая дорога, несвоевременное получение телеграммы) причин. Родитель умирает, до последнего ожидая ребенка, выходя на дорогу или обращаясь к ней взглядом. После смерти родителя ребенок осознает ужас потери и своей вины. Очевидно, что перед нами сюжет с развернутой системой событий и двумя персонажами, из которых в качестве главного героя может избираться только один (чаще родитель). Сюжет обладает устойчивым семантическим ядром: он связан с идеей разрыва связи поколений, с выражением

осуждения младших героев. Хотя найденное нами число реализаций не позволяет делать статистически убедительные заключения, можно отметить особый интерес к данному сюжету представителей деревенской прозы и, уже с большей уверенностью, говорить о связи этого сюжета с образами выходцев из деревни. Гораздо реже сюжет воплощает представление о роковом стечении обстоятельств, больно ударяющем по детям.

Список литературы

- Басинский П.* Скрипач не нужен. М.: АСТ, 2014. 510 с.
- Воронова О. Е.* Архетипы «блудного сына» и «кающегося грешника» в поздней лирике С. А. Есенина // Современное есениноведение. 2015. № 2. С. 33–39.
- Капинос Е. В., Силантьев И. В.* Предисловие // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск: Гео, 2018. Вып. 4, ч. 1. С. 3–16.
- Ромодановская Е. К.* О структуре и принципах построения «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы» // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. Вып. 1. С. 3–12.
- Силантьев И. В.* О некоторых теоретических основаниях работы в сфере сюжетов и мотивов // Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. Вып. 1. С. 160–169.

Список источников

- Вампилов А. В.* Избранное. М.: Согласие, 1999. 778 с.
- Гомер.* Одиссея / Пер. В. А. Жуковского. М.: Наука, 2000. 482 с.
- Екимов Б.* Рассказы // Новый мир. 2006. № 12. С. 48–63.
- Есенин С. А.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М.: Наука; Голос, 1995. Т. 1.
- Осетинский О.* Марлен Дитрих и Константин Паустовский. История одной фотографии в трех рассказах. URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/vospominaniya/osetinskij-marlen-ditrih-i-konstantin-paustovskij.htm> (дата обращения 13.09.2020)
- Панова В.* Сестры // Нева. 1965. № 4. С. 10–23.
- Паустовский К. Г.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Худож. лит., 1982. Т. 3; 1983. Т. 6; 1984. Т. 8.
- Распутин В.* Последний срок // Роман-газета. 1976. № 23. С. 1–69.
- Симонов К.* Возвращение // Октябрь. 1937. № 7. С. 140–146.
- Симонов К. М.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1982. 623 с.
- Твардовский А. Т.* Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1986. 895 с.
- Халфина М. Л.* Повести и рассказы. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. 336 с.
- Яшин А. Я.* Журавли. М.: Современник, 1979. 336 с.

References

- Basinskiy P. *Skripach ne nuzhen* [No violinist needed]. Moscow, AST, 2014, 510 p.
- Kapinos E. V., Silant'ev I. V. Predislovie [Preface]. In: *Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Dictionary-index of plots and motives of Russian literature]. Novosibirsk, Geo, 2018, iss. 4, pt. 1, pp. 3–16.
- Romodanovskaya E. K. O strukture i printsipakh postroeniya "Slovary-ukazatelya syuzhetov i motivov russkoy literatury" [On the structure and principles of construction of "Dictionary-index of subjects and motives of Russian literature"]. In: *Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Dictionary-index of plots and motives of Russian literature]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2003, iss. 1, pp. 3–12.

Silant'ev I. V. O nekotorykh teoreticheskikh osnovaniyakh raboty v sfere syuzhetov i motivov [On some theoretical bases of work in the field of plots and motives]. In: *Slovar'-ukazatel' syuzhetov i motivov russkoy literatury* [Dictionary-index of plots and motives of Russian literature]. Novosibirsk, SB RAS Publ., 2003, iss. 1, pp. 160–169.

Voronova O. E. Arkhetipy “bludnogo syna” i “kayushchegosya greshnika” v pozdney lirike S. A. Esenina [The archetypes of “prodigal son” and “penitent sinner” in S.A. Esenin’s late lyric poetry]. *Contemporary Esenin study*. 2015, no. 2, pp. 33–39.

List of sources

Gomer. *Odisseya* [Odyssey]. V. A. Zhukovskiy (Transl.). Moscow, Nauka, 2000, 482 p

Ekimov B. Rasskazy [Short stories]. *Novyy mir*. 2006, no. 12, pp. 48–63.

Esenin C. A. *Poln. sobr. soch.: V 7 t.* [Complete works: in 7 vols]. Moscow, Nauka, Golos, 1995, vol. 1.

Khalfina M. L. *Povesti i rasskazy* [Tales and short stories]. Novosibirsk, Zap.-Sib. book Publ., 1983, 336 p.

Osetinskiy O. *Marlen Ditrikh i Konstantin Paustovskiy. Istoriya odnoy fotografii v trekh rasskazakh* [Marlene Dietrich and Konstantin Paustovsky. The story of one photo in three stories] URL: <http://paustovskiy-lit.ru/paustovskiy/vospominaniya/osetinskij-marlen-ditrih-i-konstantin-paustovskij.htm> (accessed: 13.09.2020).

Panova V. Sestry [Sisters]. *Neva*. 1965, no. 4, pp. 10–23.

Paustovskiy K. G. *Sobr. soch.: V 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Moscow, Khudozh. lit., 1982, vol. 3; 1983, vol. 6; 1984, vol. 8.

Rasputin V. Posledniy srok [The last term]. *Roman-gazeta*. 1976, no. 23, pp. 1–69.

Simonov K. M. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poetries and poems]. Leningrad, Sov. pisatel', 1982, 623 p.

Simonov K. Vozvrashchenie [The return]. *Oktyabr'*. 1937, no. 7, pp. 140–146.

Tvardovskiy A. T. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poetries and poems]. Leningrad, Sov. pisatel', 1986, 895 p.

Vampilov A. V. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Soglasie, 778 p.

Yashin A. Ya. *Zhuravli* [Cranes]. Moscow, Sovremennik, 1979, 336 p.

Информация об авторе

Инеcса Николаевна Коржова, кандидат филологических наук, докторант

ResearcherID AAW-8183-2020

AuthorID 912969

Information about the author

Inessa N. Korzhova, Candidate of Sciences (Philology), Doctoral Student

ResearcherID AAW-8183-2020

AuthorID 912969